

Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г.

Глеб Казаков

The trip of *pod'iachy* Nikita Alexeyev to Sweden and Denmark in 1682

Gleb Kazakov

*(Albert Ludwig University of Freiburg,
Freiburg im Breisgau, Baden-Württemberg, Germany)*

DOI: 10.7868/S0869568718030111

Дипломатическая документация русских послов XVI–XVII вв. — прежде всего посольские списки и книги — является важным источником по истории России Раннего Нового времени. Хорошо сохранившиеся документы из архива Посольского приказа предоставляют исследователю ценные сведения не только о внешней политике Московского государства, но и о культурной практике и церемониале дипломатических переговоров, а также об информационной политике московского правительства. Многочисленные гонцы и посланники выступали зачастую как важные информаторы и собиратели новостей, а их отписки из-за рубежа и составленные после возвращения в Россию обстоятельные доклады (статейные списки) содержали «дайджест» наиболее важных собранных внешнеполитических вестей¹. Можно с уверенностью сказать, что отчёты послов служили для московского правительства, наряду с переводами иностранной прессы², основным источником информации об окружающем мире.

Однако лишь малая часть посольской документации издана, и далеко не все посольские списки и книги обстоятельно изучены историками. В начатой в XIX в. серии публикаций «Сношения России с державами иностранными» изданы лишь документы по дипломатическим отношениям России с Австрией, Ватиканом и итальянскими государствами³. В XX в. были опубликованы наиболее любопытные статейные списки послов, изданы отдельные посольские книги⁴.

© 2018 г. Г.М. Казаков

¹ О внешнеполитических новостях в составе посольских списков см. подробнее работы: *Анатольев М.А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.? // *История и историки. Историография всеобщей истории. Сборник статей.* М., 1966. С. 89–129; *Рогожин Н.М.* Дела посольские // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой, сост. Н.М. Рогожин. М., 1989. С. 34–53. Автор выражает благодарность за ценные комментарии С.М. Шамину, В.Е. Борисову и А.В. Топычканову.

² О переводах иностранных газет (курантах) в Посольском приказе в XVII в. см.: *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1871 (далее — ПДСДР).

⁴ О статейных списках московских послов в Европу в XVII в. см.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954; *Рогинский З.И.* Поездка гонца Герасима Семёновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Ярославль, 1959; *Казакова Н.А.* А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).* Т. 39. Л., 1985.

Вместе с тем вниманием были обделены сношения России со Швецией, несмотря на весьма тесные дипломатические контакты между этими странами на протяжении XVII в.⁵

В данной статье анализируются сведения, собранные подьячим Посольского приказа Никитой Алексеевым во время его поездки в Швецию и Данию в 1682 г. О биографии Алексеева известно не так уж и много. Он начал посольскую службу в 1666 г., а в 1673 г. его взяли штат Посольского приказа, в 1674 г. тайно отправили в Краков для получения сведений о коронации Яна Собеского. В 1675/76 г. он ездил с грамотой к персидскому шаху, в 1680 г. — в Польшу. В 1683–1684 гг. Алексеев участвовал в размежевании русско-польской границы. В 1685 г. он был отправлен с грамотами к турецкому султану и константинопольскому патриарху, был по дороге задержан в Крыму, находился в заточении, но сумел в итоге вывести из Крыма группу выкупленных им пленников⁶. Таким образом, для дипломатической миссии к королям Швеции и Дании (извещение о кончине царя Фёдора Алексеевича) в 1682 г. был выбран опытный служащий Посольского приказа. В начале мая в качестве гонцов кроме него поехали Никифор Венюков (к королю Польши и германскому императору); Дмитрий Симоновский (к курфюрсту Бранденбургскому, голландским Штатам и английскому королю); Исай Силин (к персидскому шаху)⁷. Примечательно, что в первом варианте наказа гонцам от 9 мая в грамотах упоминалось лишь имя Петра Алексеевича, ведь до стрелецкого восстания 15 мая именно он был единственным правящим царём⁸. Однако вследствие стрелецкого мятежа и неразберихи в правительстве отправление гонцов было отложено. В новых дипломатических грамотах, подготовленных в начале июня, упоминались оба царя — Пётр и Иван.

Миссия Никиты Алексеева, как и других гонцов, носила исключительно уведомительный характер — ему предписывалось просто вручить грамоту с извещением о смерти Фёдора и изъявлением дружественных намерений новых царей правителям Швеции и Дании. Однако к этому в посольском наказе добавлялась ещё одна важная задача — сбор иностранных ведомостей: «А будучи ему, Миките, в Свейской и в Датцкой землях, проведывать про всякие тамошние вести, с кем у тех государей ссылки и дружбы, и нет ли у них меж собою войны, и буде есть, кто кому силен, и где были какие бои, морем или сухим путем, и чего между ими впредь чают, да что он проведает, и то ему все написать в статейной список имянно без прибавки, и приехав к Москве самому ему явиться и статейной

С. 348–364. Примеры издания посольских книг: Посольская книга по связям России с Англией, 1614–1617 гг. / Под ред. Н.М. Рогожина, сост. Д.В. Лисейцев. М., 2006; Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством, 1649–1671 гг. / Сост. П.И. Прудовский. М., 2013.

⁵ О дипломатических отношениях России и Швеции во второй половине XVII в. см.: *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I: die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Gießen, 1958; *Кобзарева Е.И.* Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672–1681 гг. М., 2017. Часть дипломатических документов по русско-шведским отношениям издана: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.; Л., 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М.; Стокгольм, 1978.

⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 18; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 183.

⁷ ПДСДР. Т. VI. Стб. 1. О Никите Алексееве см. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. Пруссия, Франция и Швеция. М., 1902. С. 198.

⁸ ПДСДР. Т. VI. Стб. 1, 10. Интересно, что даже в памяти в Ямской приказ о подводах для гонцов от 25 мая всё ещё упоминается только имя Петра Алексеевича.

свой список подать в Посольском приказе боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи»⁹. Сбор новостей, прежде всего внешнеполитических, традиционно являлся одним из заданий посольских миссий, поэтому неудивительно, что схожие поручения получили все отправленные в 1682 г. гонцы¹⁰. Статейные списки Симоновского и Венюкова, однако, не сохранились¹¹, из-за чего анализ документации о поездке Никиты Алексеева оказывается единственной возможностью проследить, как именно поставленная задача была выполнена на практике.

Документация о поездке Алексеева сохранилась как в виде дела о его отправлении (столбцы), так и в виде чистового статейного списка (в тетради)¹². Столбцы содержат информацию об отправлении Никиты в гонцах, включая наказ, а также ряд его отписок из-за рубежа. Ему предписывалось послать отписку о новостях, разведанных в Нарве, обратно с новгородскими стрельцами-проводчиками, «а отписку велеть им вести бережно, чтоб про те вести иноземцом неведомо». Из Стокгольма же о ведомостях сообщить нужно было уже через почту¹³. Именно эти сведения попали в столбцы. Тетрадь же представляет собой поданный в Посольском приказе после окончания всей поездки официальный статейный список. Ведомости из Нарвы и Стокгольма, попавшие в дело об отправлении, повторяются в статейном списке с незначительными уточнениями и дополнениями. Примечательно, что часть информации о миссии Никиты Алексеева (видимо, в виде сделанных в Посольском приказе копий) попала впоследствии в фонд 32 «Сношения России с Австрией» в дело об отправлении в гонцах Никифора Венюкова¹⁴ и была позднее опубликована. В публикацию вошли записи об отправлении и наказ подьячему, а также первые присланные им из Новгорода и Нарвы отписки¹⁵. Однако новости, собранные в Стокгольме и далее, сохранились только в виде описанных выше архивных документов в составе фонда 96 РГАДА.

Никита Алексеев был у руки государей 8 июня и выехал из Москвы 16 числа того же месяца. 30 июня он прибыл в Новгород, из которого 4 июля отправился дальше к «свейскому рубежу» и деревне Муравейне. На границе произошла заминка — с 10 по 17 июля гонцу пришлось ждать, пока за ним вышлет эскорт нарвский комендант. Только через месяц после выезда из столицы, 18 июля, Алексеев прибыл в Нарву и здесь начал записывать свои первые ведомости¹⁶. В городе Никита отметил начавшееся строительство новой крепостной стены, «вышиною на сажень или малым чем больши, а толщиною сажени в две или в полтретью»¹⁷. Другие наблюдения касались политики. В соответствии с предписанием разведать шведские внешнеполитические новости Никита докладывал: «У свейского короля ни с которыми окрестными государи войны нет, только ведомость есть,

⁹ Там же. Стб. 154–155.

¹⁰ Ср., например, наказ Никифору Венюкову: «И что каких вестей проведает, и ему то все записывать имянно в статейной список» (Там же. Стб. 33); наказ Дмитрию Симоновскому: «И будучи ему, Дмитрею, у курфистра Брандебургского и дорогою едучи, проведывати всяких вестей, что у них делается и писати имянно в статейной список в дестовые тетради» (Там же. Стб. 166).

¹¹ Исключение составляют несколько листов из статейного списка Никифора Венюкова, сохранившиеся в составе дела о его отправлении, о них см. подробнее ниже.

¹² РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 2 (1682 г.); д. 110.

¹³ ПДСДР. Т. VI. Стб. 146, 150.

¹⁴ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 29.

¹⁵ ПДСДР. Т. VI. Стб. 190–191.

¹⁶ Примечательно, что в своём статейном списке он датировал собранные нарвские известия также 18 июля, т.е. первым днём своего пребывания в городе.

¹⁷ РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 2 (1682 г.), стб. 43.

что датской король готовит воинские корабли многие, а на ково войною намерение, того неведомо. И для опасения король швейской велел своим воинским кораблем быть готовым. И стоят ныне те швейские корабли у города Убсалия». Не укрылось от Никиты и передвижение шведских войск из Нарвы в Юрьев и Ригу: «А те войска посланы в прибавку к прежнему войску для остерегания по границе стороны великих государей, а у них ведомость есть, что совершенно войска великих государей идет ко Пскову»¹⁸.

Внимание Алексеева привлекли и новости о внутривосточной обстановке в Швеции. Подьячий отметил недовольство шведского дворянства королевской политикой редукации (возвращением государству земель, ранее переданных в пользование дворянам), проводившейся с 1680 г.: «Швейский король живет ныне в Стеколне во опасении и из двора своего мало выезжает для того, что начальныя люди и шляхта хотят его убить за то, что он у них отнял многие маестности, которые даны им были при королеве Христине, и многих думных людей хотят убить ж, а иных дву человек из думных и убили. Толко немочно было проведать, хто имяны убиты, по том заказ в Ругодиве о том под смертною казнию»¹⁹.

Рассказ об опасностях, угрожающих королевским особам, Никита продолжил новостями из Англии: «Агличанин — торговый человек — сказывал, как он поехал из Аглинской земли из города Лондона, тому ныне два месяца. И при нем в Лондоне многие агличане всяких чинов люди придумали, что короля аглинского убить, а учинить у себя такую ж вольность как и в Галанской земле. А та-де дума была еще зимою, только при посланниках при Петре Потемкине не учинили тово, а ныне чаёт он, что короля убили»²⁰.

Не исключено, что слухи о заговорах и готовящихся бунтах Алексеев фиксировал под впечатлением от произошедших в Москве незадолго до его отправления трагических событиях стрельцкого восстания, также угрожавших жизни членов царской семьи. Статейный список даёт уточнения, от кого именно Никита получил данные «ведомости». В качестве шведского информатора указан некий «торговый человек Густав», а новости из Лондона сообщил «англичанин торговый человек Гебдон»²¹. Весьма вероятно, что разговор с купцами в Нарве происходил на русском языке. Никита вряд ли знал немецкий язык — *lingua franca* балтийского региона XVII в. — к тому же известно, что в поездке его сопровождал толмач Тимофей Мейснер. Балтийские же купцы, ведшие торговлю в том числе с Новгородом и Псковом, вполне могли знать в какой-то мере русский. Известно, что отписку с ведомостями Никита отправил из Нарвы с сопровождавшими его новгородскими стрельцами 24 июля, а царям и боярам она была зачитана 12 августа²².

Следующая порция новостей была собрана в Стокгольме, куда Никита Алексеев приехал 3 сентября. Как раз в ту же осень в шведской столице заседал

¹⁸ Там же, стб. 42.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стб. 43.

²¹ Там же, д. 110, л. 4–6 об. Англичанин Иван (Джон) Гебдон приехал в Россию в 1647 г. и в дальнейшем на протяжении 1650–1660-х гг. выполнял различные дипломатические и торговые поручения московского правительства в Западной Европе. В 1677–1678 гг. в Москву из Англии приехал в статусе чрезвычайного английского посланника Иван Гебдон-младший. Известен ещё один представитель семьи Гебдонов — купец Томас Гебдон, который в июне 1671 г. находился в Москве и присутствовал при казни Степана Разина. Кого именно из Гебдонов Никита Алексеев встретил в Нарве, установить затруднительно.

²² ПДСДР. Т. VI. Стб. 144, 190.

рикседаг, причём особо остро на повестке дня стоял уже упоминавшийся вопрос о редукции поместий. Особо следует, пожалуй, отметить интерес подьячего к судьбе шведского королевского фаворита Магнуса Делгарди, попавшего в немилость при Карле XI: «В Стеколне зачался сем валной о маетностех, которые многим думным людем и дворяном городовым розданы были при королеве Христине в Лифлянтах и в Ёжерской земле, и в иных местех. И те маетности король у них отнял, и многие шляхта городовые для того съехались в Стеколно и кричат во многие голоса, естли то у них отнять, и им было заплачено из казны королевской за служенные годы, а иные говорят, что естли сведутца все дворяне городовые и чтоб от того чему не учинилось какова убийства. У графа Магнуса Делгардия король отнял все маетности и двор ево, которой имянуецца Карл Белл, от Стеколна в дву верстах, для того, как он король был в малых летех, а тот Магнус Делгардия владел Свейским государством, и на него начтена многая казна»²³.

Известно, что Делгарди возглавлял регентский совет, управлявший Швецией во время малолетства Карла XI в 1660–1672 гг. После совершеннолетия Карла и тяжёлого финансового кризиса в стране в конце 1670-х гг. Делгарди попал в опалу и был отстранён от всех государственных постов. Следственная комиссия признала регентский совет и Делгарди виновными в плачевном состоянии государства. Последовавшая затем для выправления ситуации редукция поместий наиболее сильно ударила именно по бывшему канцлеру и фавориту: Делгарди лишился практически всех земель и огромного состояния. Поместье «Карл Белл», упомянутое Никитой Алексеевым, скорее всего является дворцом Карлберг, которого Делгарди действительно лишился к 1683 г.

27 сентября гонец датировал новость о приезде в Стокгольм послов крымского хана. Рассказал московскому подьячему об этом их пристав, польский шляхтич Ян Светицкий, сопровождавший послов в Швецию и обратно по указу польского короля: «И король-де польский велел ему, Яну, быть у них в приставах и проводить до Стеколна, и наказал с ними возвратиться в Польшу»²⁴. О том, что именно было написано в крымских грамотах к шведскому монарху, Никите разузнать не удалось²⁵, однако он отметил, что послы ехали на королевский приём в карете и преподнесли в подарок монарху «иноходца крымского».

Самый интересный эпизод в наблюдениях подьячего, на котором следует остановиться подробнее, связан с событиями в его родной столице – со стрелецким восстанием. В начале 1680-х гг. Швеция стала резко менять внешнеполитический курс и вместо традиционного союза с Францией заключила альянс с противниками Людовика XIV – Нидерландами и Священной Римской империей²⁶. Поэтому, сообщая о дипломатических контактах шведского правительства с другими государствами, Никита Алексеев отметил одновременное пребывание в Стокгольме послов германского императора и французского короля. О последнем подьячий сообщал, что якобы «о том французском после розголошено в Стеколне, будто он, послыша о приезде царских послов к королю свейскому, не быв на приезде у короля, поехал на корабле во французскую землю, а по подлинной ведомосты, что та розголоска затеяна для того, чтоб царские послы, послыша то, склоннея были с свейским королем к союзу». Далее Никита описал

²³ РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 2 (1682 г.), стб. 47.

²⁴ Там же.

²⁵ «А что в тех крымских грамотах писано было к свейскому королю, тово проведать невозможно» (Там же).

²⁶ Zernack K. Op. cit. S. 114–119.

свою встречу с французским дипломатом, и ввиду важности данного отрывка кажется целесообразным привести его полностью. «И был тот французской посол у Никиты на дворе с мастером церемоний с Александром Рудлибом тайным обычаем, назвав себя служилым человеком. Да мастер церемоний про него, что он французской посол, Никите не сказал. И будучи он с мастером церемоний у Никиты, за обедом спрашивал Никиты о московском поведении и о смятении, от чего и что учинилось. И Никита говорил, что милостию Божиею на Москве все тихо и что смирно. И он показывал грамотки многие, писаны к ним из Риги и из Ругодива от тамошних жителей, а тем-де жителем сказывают будто из Новагорода и изо Пскова торговые люди, которые к ним ездят с товары своими. И Никита им говорил, что к нему грамотки с Москвы от своиственников есть, и в тех грамотках пишут, что милостию Божиею на Москве дал Бог все здорово. А как тот французской посол с мастером церемонием, быв у Никиты и обедав, пошли з двора, и про тово посла объявил Никите салдат, которой у Никиты на карауле стоял, и сказал, что-де таят ево для приезду цесарских послов»²⁷.

Данный эпизод следует разобрать подробно. Упомянутым французским послом в Стокгольме мог быть только Франсуа Базен маркиз де Бодевилль (François Bazin Marquis de Baudeville), действительно отозванный со скандалом из шведской столицы в конце сентября 1682 г.²⁸ Отчёт о встрече с французом не датирован в отписках Алексеева конкретным днем, однако представляется вероятным, что их разговор произошёл незадолго до отъезда Базена. Сведения Алексеева о тайном проживании французского посла в Стокгольме в королевских палатах являются крайне любопытными. Не исключено, что шведское правительство старалось вести двойную игру и продолжало за спиной имперских послов сношения с французским дипломатом. Визит маркиза на двор к Никите Алексееву имел чёткую цель — разузнать подробности стрелецкого восстания и обстановки в Московском государстве. Вряд ли приходится сомневаться, что под «московским поведением и смятением» подъячий подразумевал именно события бунта. Известно, что сам Людовик XIV в переписке с Базеном упоминал миссию Алексеева и интересовался её задачами. Информация же о политической обстановке в России была важна для французского правительства в связи с разрабатывавшимся с лета 1682 г. планом по включению Московского государства в франко-пруско-датскую коалицию²⁹. Французский посол оказался неплохо подготовлен к разговору с московским подъячим и даже продемонстрировал некие «грамотки» от жителей Нарвы и Риги. Что же это были за документы?

Частично ответить на данный вопрос позволяет обращение к материалам Стокгольмского государственного архива, хранящимся в собрании *Muscovitica* в папке с донесениями шведского комиссара в Москве Кристофа Коха королевскому секретарю Йохану Бергенхильму за 1679–1683 гг.³⁰ Биография Коха

²⁷ РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 110, л. 39–40 об.

²⁸ *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)*. Bd. I (1648–1715) / Hrsg. v. L. Bittner und L. Groß. Oldenburg; Berlin, 1936. S. 234.

²⁹ *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 93–97, коммент. 22.

³⁰ *Svenska Riksarkivet. Muscovitica*, vol. 604. Листы в папке с донесениями не пронумерованы. Поскольку все упоминаемые в статье шведские архивные документы взяты именно из данного дела, в дальнейшем ссылки на конкретные письма будут даваться в тексте через указание даты их отправления.

подробно разобрана в ряде современных работ³¹, поэтому ограничусь лишь основными датами его жизни. Кристоф Кох³², родом из Ревеля, был немецкоязычным подданным на службе шведской короне. В 1655 г. в возрасте 18 лет он впервые оказался в Москве в качестве секретаря шведского резидента Иоганна де Родеса. В 1678 г. он уже сам был назначен шведским торговым представителем (фактором) в Москве. В его обязанности входила не только защита торговых интересов Швеции в России, но и ведение регулярной корреспонденции со шведской администрацией. Иными словами, Кох выполнял функцию наблюдателя и шпиона и подробно докладывал обо всём происходящем в российской столице. В Стокгольмском государственном архиве сохранилось большое количество писем Коха нарвскому генерал-губернатору за 1670-е гг.³³ С 1679 г., т.е. после вступления в должность фактора, Кох стал отправлять письма уже напрямую в Стокгольм Бергенхильму. В марте 1680 г. царское правительство вынудило Кристофа Коха покинуть Москву³⁴, и в последующие несколько лет он находился преимущественно в Нарве. В те годы Кох сумел найти новых корреспондентов в русских городах. Полученные из России письма (от корреспондентов в Москве, Новгороде и Пскове, скорее всего шведских купцов) вместе со своим коротким комментарием он пересылал из Нарвы в Стокгольм. Именно по этой схеме работала шведская информационная сеть и в «смутный» 1682 г. Заметим, что Никита Алексеев в своём рассказе о встрече с французским послом назвал сходный путь распространения информации — через торговых людей из Пскова и Новгорода в Нарву и Ригу. Вряд ли стоит сомневаться, что под «грамотками» о московской смуте имелись в виду именно донесения Коха, главного шведского корреспондента в Нарве, или какие-то копии с них. Что касается упоминания Риги, то либо в данном городе находился ещё один шведский информатор, либо сам Кох отсылал туда копии с собранных донесений³⁵.

С мая 1682 г. количество получаемых Кохом донесений из Москвы заметно сократилось, по всей видимости, из-за восстания и боязни московского корреспондента за свою безопасность. Поэтому рассказы о бунте шведский агент получал преимущественно из Новгорода и Пскова. Наиболее обстоятельную и подробную информацию о событиях середины мая Кох получил в письмах от своего новгородского корреспондента или корреспондентов, датированных 2 и 3 июня.

---

³¹ *Droste H., Maier I.* Christoff Koch (1637–1711): Sweden’s Man in Moscow // *News in an Expanding World. The transformation of news from the Renaissance to the age of Enlightenment (в печати)*. См. также: *Дженсен К., Майер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016. С. 98–108.

³² Сам Кристоф Кох подписывался именно как «Кох», но в шведской документации нередко писался на шведский манер («Кок»). В 1683 г. ему пожаловали дворянство, и его фамилия изменилась на «фон Кохен».

³³ Об этих письмах см.: *Казakov Г.М., Майер И.* Иностранцы о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 6. № 2. P. 210–243; *Maier I.* How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus // *Information and Empire. Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850* / Eds. S. Franklin and K. Bowers. Cambridge, 2017. P. 113–151.

³⁴ *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 248.

³⁵ Вряд ли должен удивлять и тот факт, что письма Коха попали в руки французского посла, представлявшего осенью 1682 г. формально враждебную Швеции державу. Франция и Швеция на протяжении 1670-х гг. были союзниками, и продолжали сохранять тесные дипломатические контакты в следующем десятилетии, когда оказались участниками разных внешнеполитических коалиций. К тому же информация о восстании стрельцов не являлась секретной: о нём с июля 1682 г. писали многие немецкие газеты и брошюры (*Welke M.* Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689) // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 229–231).

В дальнейшем на протяжении лета и осени 1682 г. Кох продолжал получать подробные доклады о московских происшествиях. Поскольку на некоторых письмах Коха стоит пометка о дате их получения в Стокгольме³⁶, можно высчитать примерное время, за которое новости из Новгорода и Пскова доходили до шведской столицы. На путь из Нарвы до Стокгольма письмам требовалось две–три недели. Кох отправлял свои донесения Бергенхильму каждую неделю, а иногда чаще, при этом прикладывая к ним все полученные с момента последней корреспонденции отписки из России. Из Новгорода же почта доходила до Нарвы примерно за неделю³⁷. Получается, что новости из северорусских городов достигали шведской столицы в течение месяца.

Исходя из этого можно заключить, что в сентябре 1682 г., когда Никите Алексею продемонстрировали «грамотки» с информацией о «московском смятении», в Стокгольме скорее всего уже были известны новости из июльских и августовских писем из Пскова (от 8 июля и 6 августа) и Новгорода (от 11 и 25 июля и 8 августа). В этих письмах рассказывалось о возведении стрелецкого столпа на Красной площади, об отказе стрельцов отправиться на гарнизонную службу в Смоленск и их желании именоваться «государевой дворовой пехотой», о пропаганде раскольников и их поражении в диспуте о вере, а также об отбытии царского двора 13 июля в Троице–Сергиев монастырь. Подробность сохранившихся в стокгольмском архиве донесений полностью соответствует замечанию самого Никиты Алексея из его отписки в Москву: «А о московском, государь, поведении все у них подлинно ведомо, а иное говорят, чего, государь, слышать невозможно, и зело швед тому радуется»³⁸.

Любопытно, что в корреспонденции Кристофа Коха встречаются упоминания и о миссии Алексея. В письме из Новгорода от 25 июня сообщалось, что «16 числа этого месяца из Посольского приказа выехал один писец по имени Никита Алексей, а с ним 15 человек свиты, и отправлен он в качестве *Poslannoј*, или иначе гонца, в Швецию и Данию, чтобы объявить о смерти царя Федора Алексеевича и о том, что ныне избраны 2 царя». 14 июля сам Кох писал из Нарвы, что прибытие русского гонца ожидается 18 июля, и что этот гонец везёт при себе для него, для Коха, «письма из Москвы», вероятно с новыми донесениями. Таким образом получается, что Никита Алексей, пусть и косвенно, но всё же сам помог передаче новостей из России в Швецию.

Возвращаясь к эпизоду с диалогом между Алексеевым и французским послом, следует отдельно остановиться на поведенческой стратегии, выбранной московским подьячим. Несмотря на доказательства в виде «грамоток», Никита отрицал информацию о «смятении», утверждая, что, по его сведениям, «милостию Божиею на Москве дал Бог все здорово». Интересно, что в схожих ситуациях аналогичную реакцию продемонстрировали и другие московские гонцы — Дмитрий Симоновский и Никифор Венюков. Короткая заметка о миссии Симоновского содержится в немецкой газете «*Wöchentlicher Mercurius zur*

³⁶ В Швеции, как и в России, в конце XVII в. в обиходе был юлианский календарь, а значит все даты, приведённые в донесениях Коха, указаны по старому стилю.

³⁷ В письме из Нарвы от 10 июня Кох писал: «Вчера я получил приложенные к этому письму новости и трагедии из Новгорода от своих корреспондентов, всё это означает очень большую и важную перемену». Под «новостями и трагедиями», принёсшими сведения о важных изменениях в политической жизни России, безусловно следует понимать обстоятельные новгородские письма от 2 и 3 июня, а значит они были получены Кохом уже 9 числа того же месяца.

³⁸ РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 2 (1682 г.), стб. 47.

Ordinari Post-Zeitung» из Брауншвейга. В № 39 за 1682 г. приводится новость из Гамбурга: «Гамбург, 20 сентября. В прошлую субботу приехал сюда из Берлина один московитский посол по имени Деметриус Симонофски, и при нём 8 или 9 человек, а траур по умершему царю он ещё не сложил. Он не знал, что царь Иван также убит, как о том недавно писали из Польши, и не хотел тому верить, пока сам не получит о том уведомлений из Москвы. Его путь лежит дальше в Голландию к Его Высочеству принцу Оранскому, а затем оттуда к королю в Англию»³⁹. Ещё более любопытный случай произошёл с Никифором Венюковым. В столбцы об отправлении Венюкова к польскому королю и германскому императору попали и небольшие выдержки из его не сохранившегося целиком статейного списка⁴⁰. Они практически полностью посвящены отчаянным попыткам Венюкова добиться от императорского двора важной уступки: чтобы ответная грамота московским царям была бы вручена московскому гонцу лично императором на прощальном приёме, а не прислана заочно на постоянный двор, как на том настаивала принимающая сторона⁴¹. Венюков описывает, как ездил для переговоров на двор к императорскому секретарю Яну Пробсту и подробно изложил свою просьбу. По итогам переговоров подьячему удалось добиться компромисса — было решено, что ответная грамота будет вручена ему хоть и не лично императором, но, по крайней мере, в его присутствии. Для нас же крайне важно то, что описание состоявшихся в доме у секретаря переговоров сохранилось не только в изложении Венюкова, но и в виде отчёта самого Яна Пробста, хранящегося в составе Венского архива и датированного 11 ноября (по новому стилю) 1682 г.⁴² Обращение к тексту отчёта Пробста наглядно демонстрирует, о чём именно в своём описании московский подьячий предпочёл умолчать. В определённый момент дискуссии об ответной грамоте императорский секретарь поинтересовался, зачем Венюков так усердствует в её получении, если по возвращении в Москву всё равно не будет знать, какому из двух царей её вручить, ведь «оба царя находятся между собой в открытом несогласии, и одного поддерживает армия, а другого — народ» (здесь и далее перевод мой. — Г.К.). В ответ Венюков заявил, что никаких официальных уведомлений он о подобном положении дел не получал, а всяким слухам верить не стоит, тем более что покойный царь Фёдор хоть и передал правление Ивану Алексеевичу, но тот отказался править в одиночку без младшего брата «по причине склонности к братской любви и доверию». Пробст, однако, указал на то, что если бы всё было так, то в Москве бы не произошла резня и «избиение многих знатнейших господ», среди которых он назвал «генерала Долгорукова»⁴³, «князя Андреаса Сергеевича»⁴⁴

³⁹ Wöchentlicher Mercurius zur Ordinari Post-Zeitung. 1682. № 39. S. 476 (перевод мой. — Г.К.)

⁴⁰ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 1 (1682 г.), стб. 115–123.

⁴¹ Данное поведение Венюкова не было чем-то уникальным в российской дипломатической практике XVII в. Об инструкции Посольского приказа, требовавшей от гонцов к германскому императору настаивать на получении ответных писем из рук самого «цесаря» см.: *Scheidegger G. Perverses Abendland – barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse.* Zürich, 1993. S. 202.

⁴² Österreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. *Russland I.* 14 Russica. 1682. Bl. 14–17.

⁴³ В оригинале «Generale Dolgorucki». Имеется в виду боярин Юрий Алексеевич Долгоруков.

⁴⁴ В оригинале именно так: «Andreas Sergeovicz» вместо правильного Артемона Сергеевича. Интересно, что Пробст отметил, что московский подьячий «из-за трудностей произношения» («ex pronuntiationis difficultate») совершенно справедливо не сразу сообразил, о ком его спрашивают.

и «недавно бывшего здесь (в Вене. — *Г.К.*) канцлера Лукиановича»⁴⁵. Подьячий не растерялся, заявив, что царское правительство тут совершенно не при чём, а народный гнев старший Долгоруков накликал на себя сам, когда во время последней войны с турками под Чигириным всячески мешал своим солдатам сразиться с неприятелем, боясь за судьбу своего сына, находящегося в татарском плену⁴⁶. Вина же князя «Сергеевича» состояла в том, что он, используя служебное положение, подделывал царские указы, несправедливо обогатился и нанёс большой вред всему государству. После смерти царя Фёдора чаша народного терпения переполнилась, и обоим постигла заслуженная кара. Подьячий даже добавил, что заодно с ними наказание понёс и царский врач, «крещёный еврей», которого обвинили в отравлении Фёдора⁴⁷. «Канцлер Лукианович» же, по рассказу Венюкова, был жив и невредим и добровольно удалился от дел по причине преклонного возраста. В качестве решающего аргумента Пробст продемонстрировал Венюкову листки печатных осенних франкфуртских ярмарочных известий с описанием московских происшествий, но и тут подьячий остался непреклонен и продолжал отрицать наличие какой-либо распри среди российских правящих кругов. Когда же Пробст заявил, что наличие во главе государства двух царей одновременно обязательно приведёт к их разногласиям, тем более что мать младшего из них (Наталья Кирилловна) будет, безусловно, всячески благоволить своему сыну, Венюков парировал тем, что «братская любовь не допустит раздора», и добавил, что мать Петра известна своим благоразумием и никоим образом не станет наносить вред «общему делу» ради личных интересов.

Весь этот диалог полностью опущен в коротком докладе Никифора Венюкова, и не исключено, что он отсутствовал и в полной версии статейного списка. В отличие от Алексеева Венюков предпочёл, по всей видимости, совсем не упоминать о своём расспросе по поводу стрелецкого восстания, скорее всего опасаясь, что он сказал больше дозволенного. Как видно из описания, оставленного Пробстом, Венюков рассказал довольно много о произошедшем в столице, хотя и старался представить события бунта в максимально выигрышном для российского правительства свете. И всё же нельзя не отметить, что в целом в поведении обоих подьячих обнаруживается много общих черт: отрицание циркулировавших новостей как ложных слухов и ссылка на собственную заслуживающую доверия информацию о спокойствии в российской столице.

Среди отписок Никиты Алексеева в Москву, попавших в дело о его отправлении в гонцах отсутствуют ведомости, собранные им после отъезда из Стокгольма

---

⁴⁵ В оригинале «Cantzler Lukianovicz». Учитывая комментарий Пробста о том, что данный «Лукианович» недавно приезжал в Вену, мы вряд ли ошибёмся, предположив, что имеется в виду Лукьян Тимофеевич Голосов, который действительно находился в Вене в составе посольства Бутурлина и Чаадаева в 1679 г. В 1682 г. ему пожаловали чин думного дворянина. Называя Лукьяна Голосова «канцлером» и интересуясь его судьбой, Пробст, вероятно, плохо представлял себе истинную роль данного дворянина при московском дворе, ведь в западноевропейских источниках канцлером Московской Руси обычно называли главу Посольского приказа.

⁴⁶ Известно, что восставшие стрельцы обвиняли в предательстве русской армии во время войны с турками не боярина Долгорукова, а князя Григория Григорьевича Ромодановского, чей сын Андрей Григорьевич находился в татарском плену (Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов / Под ред. В.И. Буганова, сост. Н.Г. Савич. М., 1976. С. 40). Не ясно, стала ли данная путаница в отчёте Пробста результатом сбивчивого рассказа Венюкова, или же Пробст сам неправильно понял собеседника.

⁴⁷ Имеется в виду Даниил фон Гаден, придворный врач Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, убитый стрельцами 17 мая 1682 г.

7 октября (они сохранились только в составе статейного списка), а значит, скорее всего, новости о поездке в Данию Никита сообщил уже лично после своего возвращения, записав их в статейный список. Оттуда мы узнаём, что ещё по пути из шведской столицы на юг (дорога пролегла по суше) Никита зафиксировал сосредоточение шведских войск у датской границы: «А как ехал Никита дорогою от Стеколна до Элсенборха и видел: по границе датцкого рубежа рейтар и салдат свейских много стоят по деревням, а сказывают, что тех рейтар и салдат тысячь с шесть, а стоят они для опасения порубежных городов от датцкого воиска». В самих приграничных шведских областях — «Шконской земле» (Сконе) — подьячий наблюдал разорённые деревни и пустые церкви, «а сказывают, что все то разорил датцкой король, как была война с свейским королем, тому ныне лет с пять»⁴⁸. Военные приготовления, а именно починку военных кораблей «к весне», Никита отметил и в Дании, куда он добрался 21 октября. Это только укрепило его подозрение, что новый датско-шведский конфликт должен вот-вот разгореться. При этом Алексеев сообщал о намерении датчан просить русское правительство о военной помощи: «Да датцкой же король хочет послать послов своих к великим государем к Москве по весне, чтоб великие государи учинили ему споможение с своей царского величества стороны на границе. И с теми-де послы послано будет в дар к великим государем к их царскому величеству по шести пар лошадей коретных ко государю, и те лошади уж отобраны из домашних ево королевских лошадей самые добрые и ученые в молодые лета»⁴⁹.

Докладывая о внешней политике датского короля, Алексеев отметил присутствие в Копенгагене дипломатических представителей Франции, Нидерландов, Англии и Бранденбурга, упомянув и о готовящемся альянсе Дании с Францией⁵⁰. Вновь, как и в Стокгольме, он проявил интерес к появлению в королевской столице крымских послов, случившемуся до его приезда. Не без удовольствия подьячий отметил холодный приём, оказанный ханским посланникам: «У датцкого короля в сентябре месяце нынешняго 191 году были татарские послы с ханскими грамоты, а будучи пред королевским величеством говорили они: естли-де его королевское величество зачнет с кем воину, и они ему в помочь дадут воиска своего дватцать или тритцать тысяч. И король-де, слыша о том, от них смеялся и отпустил их вскоре и из Копногава на Брандеберскую землю сухим путем, а грамоты-де их ныне лежат не переведены»⁵¹.

Несмотря на довольно короткое пребывание в Копенгагене (с 21 октября по 3 ноября), Алексеев отзывался в статейном списке о Дании гораздо более положительно, чем о Швеции. Вероятно, датский двор постарался произвести впечатление на московского посланника и убедить его в том, что Дания могла бы

---

⁴⁸ РГАДА, ф. 96, оп. 1, л. 110, л. 43, 43 об. Московский подьячий ошибся в датировке, поскольку датско-шведская война 1675–1679 гг. закончилась не за пять, а лишь за три года до его поездки. Боевые действия той войны действительно проходили преимущественно на территории шведской провинции Сконе.

⁴⁹ Там же, л. 44–44 об. Здесь в донесениях Алексеева присутствует ошибка: в октябре 1682 г. датский посол фон Горн уже прибыл в Россию и находился в царском лагере под Троице-Сергиевым монастырём (*Богданов А.И.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 78–91).

⁵⁰ «Тот-де французской посол пришел для договору о союзе з датцким королем, потому что курфистр брандебургской союз учинил свеиским королем» (РГАДА, ф. 96, оп. 1, л. 110, л. 43 об.). Последнее, впрочем, неверно, так как Бранденбург являлся на протяжении 1670–1680-х гг. внешнеполитическим противником Швеции.

⁵¹ Там же, л. 44 об.–45.

стать выгодным внешнеполитическим партнёром для России. В статейном списке Алексеева рассказывается об экскурсии, устроенной для него в королевскую оружейную палату и гавань, причём ему продемонстрировали трофейные шведские орудия, мушкеты, знамёна и корабли: «И в той полате знамен дворовых свеиского короля взятых: дватцать пять знамен реитарских, шиты золотом и серебром месты, дватцать знамен драгунских, тритцат знамен пехотных салдатцких, десеть знамен болших, которые бывають на кораблях. А на тех на всех знаменах шиты гербы свеиского короля и имя его королевское. В той же полате ружья мелкого мушкетов, карабинов, пистолей, полашей, шпаг, гранатных ядер много, а сказывал тот полковник, что то все взято на бою у свеиского короля. В другой полате пушки, которые взяты на короблях и в полках у свеиского ж короля, а по счету их двести пятдесят одна пушка медных, семдесят железных, тритцат пушек медных, что гранаты пускают. И с тово двора ездил Никита с тем же Юрьем Боем воинских караблей смотрет в струшку на море. И где датцкие воинские карабли стоят, кругом их в мори учинен городок, биты сваи, и по тому городку стоят салдаты на карауле, человек з дватцат, да капитан. А тех караблей по счету семдесят два карабля, а свеиские взятые карабли стоят особо шесть караблей, а делом они болши датцких, а все-де караблей взято у свеиского короля по скаске их семнатцат. И те-де карабли отдають они в наем агличаном, галанчаном, а найму берут на всякои год по тысечи по пятисот ефимков любских ото всякого карабля». Кроме того, гонца сводили в королевскую «потешную полату» и сады и даже два раза свозили в театр, где московский подьячий лицецрел комедию «издевашную» и комедию «францускую», отметив не без гордости, что место ему было отведено «позади королевичевых кресел в первой скамье, а позади Никиты сидел курфистра брандебурского посол и резедент Брант»⁵².

3 ноября Алексеев отплыл на датском корабле к Риге и уже по прибытии записал там последнюю ведомость, вновь отметив недовольство лифляндского дворянства проводимой шведским королем редукцией⁵³. 2 декабря 1682 г. Никита приехал в Псков, а 12 декабря закончил путешествие в Москве.

* * *

Сохранившиеся материалы о поездке подьячего Посольского приказа Никиты Алексеева в 1682 г. позволяют подробно проанализировать как содержание собранных им за рубежом ведомостей, так и процесс их сбора. Что касается содержания зарубежных новостей, статейный список Алексеева в целом подтверждает соображения, высказанные М.А. Алпатовым, о том, какого рода информация интересовала московских послов⁵⁴. В первую очередь подьячий в соответствии с полученным наказом собирал информацию о внешнеполитическом положении Швеции и Дании – альянсах и военных приготовлениях. При этом он точно определил новую расстановку политических сил, отметив сближение Швеции и Империи с одной стороны, и Дании и Франции – с другой. Вместе с тем было бы неверно называть наблюдения Алексеева отрывочными или бессистемными. В его отписках прослеживается очевидная основополагающая линия – сбор любых намёков на скорое военное столкновение Дании со Швецией. В условиях кризиса власти и общего шаткого положения в Московском

⁵² Там же, л. 31 об.–34 об.

⁵³ «Лифлянская шляхта хотят все поддатца польскому королю для того, что король свейской отнял у них маетности» (Там же, л. 45).

⁵⁴ Алпатов М.А. Указ. соч. С. 90–91.

государстве в 1682 г. российское правительство, скорее всего, стремилось раз-
узнать, грозит ли ему со стороны Стокгольма военная опасность. Наблюдения
Никиты Алексеева о шведско-датском противостоянии (в итоге так и не вылив-
шемся в открытую войну) и концентрации противоборствующих сил на швед-
ско-датском пограничье позволяли сделать правильный вывод об отсутствии
планов вторжения на русскую территорию у шведской стороны.

Той же цели служил сбор ведомостей о внутренней «шаткости» в Шведском
королевстве. Недовольство шведского и лифляндского дворянства политикой ре-
дукции, риксдаг в Стокгольме и связанные с ним волнения, а также упоминания
о том, что король был вынужден жить «в опасении» в собственной столице – всё
это демонстрировало наличие у Швеции крупных собственных проблем. Инфор-
мацию русский гонец черпал из разных источников: собственных наблюдений,
официальных уведомлений, а также из расспросов случайных информантов, таких
как польский гонец, нарвские торговые люди или даже стоящий на карауле солдат.

Для пересылки собранных ведомостей русской стороной активно использо-
валась почтовая связь между Россией и Швецией. Отписки из Нарвы Алексеев
отправил с новгородскими провожающими, а вести из Стокгольма, по-видимо-
му, обычной почтой. Благодаря этому важные разведанные новости доходили до
Москвы раньше возвращения самого подьячего.

Новости, сообщённые Алексеевым, существенно дополняли и уточняли ин-
формацию о шведских и датских делах, которую царский двор получал из куран-
тов – переводных немецких и голландских газет. Так, в курантах за 1682 г. ново-
сти из Стокгольма и Копенгагена крайне незначительны и отрывочны, львиная
доля переводов повествует о восстании графа Тёкёли в Венгрии и турецкой угро-
зе. О риксдаге («сейме») в шведской столице не сообщалось ничего конкретного.
Лишь в сводке курантов от 24 декабря 1682 г. было зафиксировано: «А что по се
время на сейме делается, про то никто не ведает, кроме того, что все чины по-
волили великую силу водою и сухим путем изготовити». В той же сводке отме-
чалось, что в Швеции к весне готовится «великое множество ратных людей»⁵⁵,
но не давалось никакого указания о том, против кого данная сила будет задей-
ствована. Более того, в переводе газетной новости из Копенгагена от 15 сентября
сообщалось о выборе комиссаров с датской и шведской сторон для «успокоения
ссор и вопросов»⁵⁶. Таким образом, отписки Никиты Алексеева о ропоте против
шведского короля, недовольстве редукцией и враждебности в отношениях между
Данией и Швецией сообщали полностью отсутствующие в курантах сведения.

Наконец, эпизод со встречей между Алексеевым и французским послом
в Стокгольме, подкреплённый данными иностранных источников о миссиях
Дмитрия Симоновского и Никифора Венюкова, позволяет оценить стратегию
поведения, которую московские посланники выбирали, оказавшись в позиции
расспрашиваемых. Они неукоснительно следовали посольскому предписанию
ни в коем случае не уронить престиж Российского государства и всячески отри-
цали наличие какого-либо смятения или бунта в столице. Информация об убий-
ствах в Москве, имеющаяся у оппонента, либо отрицалась, либо трактовалась
исключительно в положительном свете как справедливое наказание народом
преступников-бояр, а не как стихийная бойня, устроенная в Кремле восстав-
шими стрельцами. Какое-либо несогласие среди российских правящих верхов
категорически опровергалось.

⁵⁵ РГАДА, ф. 155, оп. 1, д. 5 (1682 г.), стб. 340, 343.

⁵⁶ Там же, стб. 258.